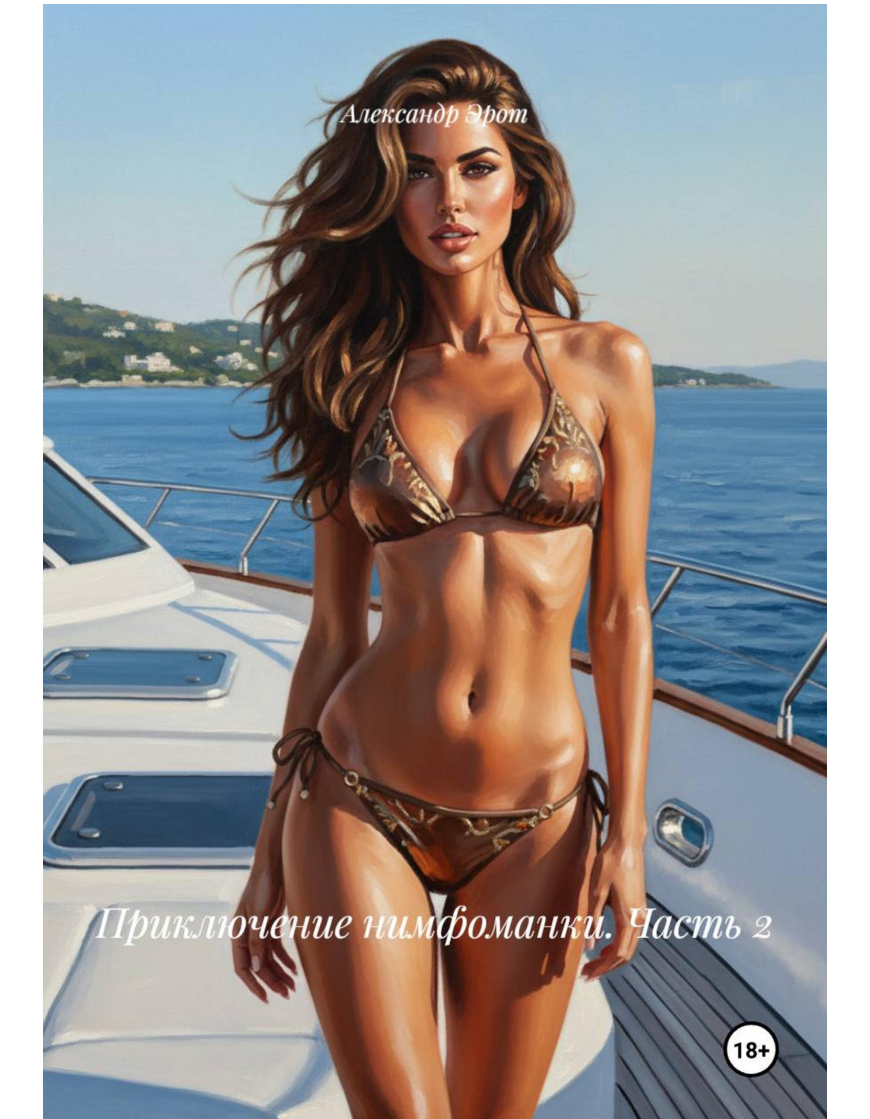

A full-page photograph of a woman with long, wavy brown hair, wearing a metallic, patterned bikini. She is standing on the deck of a white boat, looking directly at the camera. The background shows a blue sea and a distant shoreline with buildings under a clear sky.

Александр Эрот

Приключение нимфоманки. Часть 2

18+

Александр Эрот

Приключение нимфоманки. Часть 2

<https://litres.ru/74418947>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эротический роман о женщине по имени Лиза, которая на вилле в Бангкоке проходит путь от покорной ученицы до властной стихии, жаждущей всё более опасных граней познания. Муж Иван, срежиссировавший её падение, возвращается с двумя гостями — французским банкиром Лораном и японским промышленником Сато, — чтобы сделать жену «общим достоянием». Но его план даёт трещину: героиня перехватывает инициативу, подчиняет обоих мужчин и заставляет самого Ивана встать на колени. Творец теряет контроль над своим созданием — Галатея сошла с пьедестала. Осознав свою силу, Лиза отказывается от тепличных условий виллы и требует спуститься в настоящий ад — район красных фонарей Патпонг, где нет правил и нет стоп-слов. Иван становится не хозяином положения, а проводником в преисподнюю. Сменив шёлк на дешёвую синтетику, Лиза готовится к новому перерождению. Роман исследует темы власти, подчинения, свободы и саморазрушения,

ставя вопрос: кто кем управляет, когда игра выходит за пределы контроля.

Александр Эрот

Приключение нимфоманки. Часть 2

День пролетел в состоянии кристально чистой, звенящей сосредоточенности. Я готовилась к вечеру не как хозяйка, ожидающая гостей, а как жрица, готовящаяся взойти на алтарь. Письмо Ивана не испугало меня; оно стало катализатором. Мой муж, этот блестящий интеллектual и циник, полагал, что держит в руках все нити. Он срежиссировал мое падение с Паоло, он наслаждался ролью творца моей порочности. Что ж, сегодня вечером творение покажет своему создателю, что оно обрело собственную, неуправляемую волю.

Ближе к сумеркам я начала свой ритуал. Я погрузилась в прохладную ванну, смывая с себя остатки дневного зноя, но бережно сохраняя в памяти каждое прикосновение минувших дней. Моя кожа всё ещё хранила легкие, желтеющие синяки на бедрах и красноватые следы на запястьях — стигматы моего освобождения. Я не собиралась их прятать. Сегодня они будут моими лучшими украшениями.

Я втерла в кожу густое масло с тяжелым ароматом иланг-иланга и черного мускуса. Это был запах ночи, запах влажной земли и животного зова. Затем я открыла шкаф. Черное шелковое платье, о котором писал Иван, висело там, подоб-

но сброшенной змеиной коже. Оно было гениально в своей порочности: закрытое спереди до самой шеи, с длинными рукавами, оно создавало иллюзию строгой элегантности. Но спина была абсолютно обнажена, вырез опускался ниже поясницы, открывая ложбинку между ягодиц. Ткань струилась по телу, словно жидкая ночь. Под платьем не было ничего. Ни единого лоскутка, который мог бы преградить путь желанию.

Я собрала волосы в высокую, строгую прическу, открывая длинную шею. Накрасила губы темно-бордовой помадой. Взгляд, смотревший на меня из зеркала, был спокойным, темным и бездонным. Я была готова.

Около восьми часов вечера гравий на подъездной аллее зашуршал под шинами тяжелых автомобилей. Я спустилась в гостиную и замерла у огромного окна, глядя, как свет фар выхватывает из темноты тропические растения.

Входная дверь открылась. Иван вошел первым. Он выглядел безупречно, как и всегда: светлый льняной костюм, легкий загар, чуть тронутые сединой виски и этот вечный, слегка насмешливый прищур светлых глаз. Он остановился в нескольких шагах от меня. Воздух, между нами, мгновенно наэлектризовался.

Он не стал меня целовать. Вместо этого он подошел вплотную, взял меня за подбородок и медленно, глубоко вдохнул воздух у моей шеи. Его ноздри дрогнули.

— Ты пахнешь им, — тихо произнес он. В его голосе не

было ревности, лишь холодное, оценивающее удовлетворение коллекционера. — Запах абсолютного послушания. Ты была хорошей девочкой?

— Я была именно такой, какой должна была быть, — ответила я, глядя ему прямо в глаза. Мой голос был ровным, но в нем скрывалась сталь. Я не отвела взгляд. И в этот момент, я увидела, как в его светлых глазах мелькнула тень удивления. Он ожидал увидеть покорную ученицу, сломленную собственным бесстыдством. Но он встретил взгляд равной.

— Прекрасно, — усмехнулся он, отпуская мой подбородок, но его пальцы скользнули ниже, по обнаженной спине, грубо сжав ягодицу прямо через тонкий шелк. Я даже не вздрогнула. — Гости здесь. Будь безупречна.

В гостиную вошли двое. Они были полной противоположностью Паоло. Если садовник был грубой, первобытной стихией, то эти мужчины были воплощением рафинированной, почти декадентской власти.

Первым был месье Лоран — французский банкир из Парижа, мужчина за пятьдесят, с аристократическим, хищным профилем, холодными серыми глазами и сухими, нервными руками пианиста или хирурга. Вторым — господин Сато, промышленник из Токио. Он был моложе, безукоризненно сложен, с непроницаемым лицом-маской и глазами, черными, как два куска обсидиана.

Иван представил нас друг другу. Я учтиво склонила голо-

ву, предлагая им шампанское. Игра началась.

Мы сидели в той самой гостиной, вокруг того самого дубового стола, где еще сутки назад я кричала под тяжестью садовника. Мы пили «Дом Периньон» и говорили о выставках современного искусства в Европе, о котировках на азиатских биржах, о философии экзистенциализма. Но слова были лишь белым шумом. Истинный разговор велся на другом уровне.

Лоран смотрел на меня поверх своего бокала, его взгляд скользил по контурам моей груди, которые отчетливо проступали сквозь черный шелк каждый раз, когда я делала вдох. Сато сидел абсолютно неподвижно, но я чувствовала его внимание кожей. Он словно сканировал меня, раздевая слой за слоем.

— Вы, должно быть, находите здешний климат весьма утомляющим, Лиза? — спросил Лоран, его голос был бархатным, вкрадчивым. — Эта вечная влажность... она заставляет тело плавиться, не так ли?

— Напротив, месье Лоран, — я медленно провела кончиком языка по кромке хрустального бокала. — Я нахожу, что этот климат пробуждает истинную природу вещей. Здесь невозможно притворяться. Жара срывает маски.

Иван улыбнулся, откинувшись на спинку кресла.

— Моя жена сделала поразительные успехи в изучении местной флоры и фауны за время моего отсутствия, — произнес он с легкой иронией. — Она обнаружила, что дикость

может быть... весьма просвещающей.

Сато поставил свой бокал на стол. Звон хрусталя разрезал густую, душную тишину комнаты.

— Истинное искусство, — сказал японец на безупречном французском, — заключается не в том, чтобы оставаться диким. Искусство — это когда абсолютно цивилизованное существо добровольно опускается на уровень животного, осознавая каждый момент своего падения.

— Именно за этим мы здесь, господа, — Иван поднялся со своего места. Его тон мгновенно изменился. Светская беседа была окончена. Пора было начинать мессу.

Иван подошел ко мне сзади. Его руки легли на мои обнаженные плечи. Я сидела прямо, глядя на двух мужчин напротив. Мое сердце забилось чаще, тяжелая, горячая пульсация отозвалась внизу живота. Я знала, что сейчас произойдет. Мое тело было мокрым под шелком платья.

— Встань, рабыня, — приказал Иван.

Я повиновалась. Я стояла перед Лораном и Сато, словно выставленная на аукцион статуя.

Иван медленно провел руками по моим плечам, а затем его пальцы нащупали невидимые крючки на воротнике моего платья. Легкий щелчок.

— Посмотрите на нее, — голос Ивана был тихим, гипнотическим. — Она принадлежит к высшему обществу. Она читает Бодлера и разбирается в винах. Но под этим черным шелком она — абсолютная, чистая самка, жаждущая подчи-

нения.

Он потянул ткань вниз. Шелк соскользнул с моих плеч, зашуршал по бедрам и упал к моим ногам, образовав черную лужу на персидском ковре.

Я осталась абсолютно обнаженной в свете хрустальных люстр. Лоран тихо выдохнул, его серые глаза расширились. Сато даже не моргнул, но его ноздри раздулись, улавливая мой запах. Я не пыталась прикрыться. Я стояла, чуть расставив ноги, выпрямив спину, с гордо поднятой головой. Я видела, как их взгляды пожирают меня: потемневшие, напряженные соски, впалый живот, блестящий от влаги темный треугольник лона. И самое главное — они увидели синяки.

Лоран поднялся первым. Он подошел ко мне вплотную. Его дыхание отдавало табаком и дорогим коньяком. Не спрашивая разрешения, он поднял руку и провел длинными, сухими пальцами по лиловому следу на моем правом бедре.

— Какая восхитительная грубость, — прошептал он, и его пальцы больно сжали мою плоть прямо поверх синяка. Я тихо ахнула, подавшись вперед. Эта боль была сладкой. — Тот, кто был здесь до нас, оставил свою метку. Но мы это исправим. Мы оставим свои.

С другой стороны, ко мне приблизился Сато. Он двигался бесшумно. Его руки, в отличие от рук Лорана, были прохладными и жесткими. Он обхватил мою талию сзади, его ладони легли на мой живот, большие пальцы надавили на низ живота, заставляя меня выгнуть спину. Я оказалась зажатой

между двумя мужчинами, в то время как мой муж стоял в стороне, наблюдая за этим с холодной улыбкой дирижера.

— На колени, — приказал Сато, не повышая голоса. Это не было просьбой.

Я медленно опустилась на колени на пушистый ковер. Черный шелк моего платья мягко коснулся моих бедер. Мое лицо оказалось на уровне их животов. Я чувствовала тяжелый, мускусный жар, исходящий от их тел сквозь дорогую ткань брюк.

Иван подошел ближе.

— Она ваша, господа, — произнес он. — Делайте с ней всё, что пожелаете. У нее нет границ. У нее нет стыда. Она создана для того, чтобы впитывать чужую страсть.

Лоран запустил свои длинные пальцы в мою тщательно уложенную прическу. Шпильки со звоном посыпались на пол. Мои волосы тяжелой волной рассыпались по плечам. Он схватил меня за пряди на затылке и с силой откинул мою голову назад. Его глаза горели холодным, садистским огнем.

— Открой рот, — прошипел француз, расстегивая ремень.

Я радостно повиновалась. Мои губы послушно разомкнулись. Лоран освободил свою плоть — бледную, но невероятно твердую, пульсирующую от высокомерного вожделения. Он не стал церемониться. Он вошел в мой рот, крепко держа меня за волосы, не давая отстраниться. Он начал двигаться, задавая рваный, ритм.

В это же время я почувствовала, как руки Сато раздвигают мои колени шире. Японец опустился на пол позади меня. Его пальцы, безжалостно точные, скользнули между моих ягодиц, находя мое истекающее, горячее лоно. Он не ласкал меня; он исследовал. Он трогал меня пальцами, проверяя мою готовность, изучая с хирургической точностью.

Мое тело, разбуженное Паоло, жаждало заполнения. Мои бедра непроизвольно подавались назад, навстречу пальцам японца, умоляя о большем.

Иван ходил вокруг нас медленными кругами. Его тихий смех эхом отдавался в моих ушах.

— Смотрите, как она жадна, — комментировал он. — Высшее образование, безупречные манеры... и всё ради того, чтобы стать безупречной подстилкой. Возьми ее, Сато. Покажи ей настоящую дисциплину.

Сато убрал пальцы. Я почувствовала, как он обнажил себя. Его плоть, в отличие от бледности Лорана, была темной, гладкой и пугающе объемной. Он придвинулся вплотную. Его руки жестко легли на мои бедра, фиксируя меня на месте.

— Прими это, — сухо произнес он.

И он вошел в меня сзади.

Проникновение было медленным, непреклонным, разрывающим. Я закричала бы от смеси боли и экстаза, если бы мой рот не был занят. Вместо крика из моего горла вырвался лишь глухой, животный стон, вибрация которого переда-

лась Лорану, заставив его застонать в ответ и ускорить свои толчки.

Сато заполнял меня дюйм за дюймом, его ширина растягивала мои стенки. Два мужчины владели мной одновременно. Они превратили меня в инструмент своего наслаждения, в живой, пульсирующий кусок плоти, зажатый между их желаниями.

Но Иван ошибался в одном. Он думал, что это унижение уничтожает меня. Он не понимал, что в этой абсолютной деградации я нашла абсолютную власть.

Я начала отвечать им. Я обхватила губами плоть Лорана, используя язык так искусно, как только могла, заставляя его дрожать и ругаться сквозь стиснутые зубы. Одновременно с этим я начала сжимать мышцы своего лона, обхватывая толстый стержень Сато, втягивая его в себя, подстраиваясь под его безжалостный, механический ритм.

Я слышала их тяжелое дыхание. Я чувствовала, как их рафинированность, их светский лоск осыпаются прахом под воздействием моего тела. Французский банкир и японский магнат потеряли контроль. Они превратились в таких же зверей, каким был Паоло. И превратила их в зверей я. Мое обнаженное, распятое тело стало для них трясинной, в которой они тонули.

Я была не жертвой. Я была центром этого безумного, первобытного шторма.

— Вы только посмотрите на нее... — голос Ивана дрог-

нул. Режиссер внезапно осознал, что спектакль вышел из-под его контроля. Он остановился передо мной, глядя на мое лицо. Мои глаза, встретились с его взглядом. И сквозь это унижение, я послала ему одну-единственную, торжествующую мысль: «Я сожрала их, Иван. А потом я сожру тебя».

Темп нарастал. Лоран дергал меня за волосы, его толчки стали хаотичными, предсмертными конвульсиями вожделе-ния. Сато позади меня потерял свою ледяную сдержанность; он рычал по-японски, вбиваясь в меня с такой силой, что я скользила коленями по ковру, если бы он не удерживал меня мертвой хваткой.

Мой собственный оргазм начал скручиваться на дне живота тугой, раскаленной спиралью. Это было напряжение миллионов вольт. Я чувствовала, как пульсирует мое нутро, как огонь разливается по венам, сжигая всё человеческое, оставляя лишь чистый, слепящий свет экстаза.

— Кончайте! — хрипло приказал Иван, не в силах оторвать взгляд от моего лица!

Лоран издал пронзительный, сдавленный стон, его тело напряглось как струна. Я покорно сглотнула, продолжая смотреть на мужа.

В ту же секунду Сато нанес последний, сокрушительный удар. Я выгнулась дугой. Оргазм обрушился на меня лавиной, разрывая сознание на тысячи осколков. Мои мышцы спазмировались, выдаивая из японца его тяжелые, горячие струи, которые заполнили меня до самых краев.

Они обессиленно отстранились. Лоран отпустил мои волосы, отступая на шаг, тяжело глотая воздух. Сато рухнул на колени рядом, покрытый потом.

Я осталась одна в центре гостиной. Мои колени дрожали, волосы спутались, тело горело. Я была раздавлена, использована, осквернена всеми мыслимыми способами.

Я медленно оперлась руками о ковер и подняла голову. Иван стоял надо мной. Его лицо было бледным. Он понял. Он увидел в моих глазах не сломленную рабыню, а рождение нового, непостижимого монстра, которого он сам же и выкормил.

Я облизнула губы, растягивая рот в порочной, дьявольской улыбке.

— Это всё, на что способны твои гости, мой дорогой создатель? — мой голос был хриплым, срывающимся, но в нем звучала абсолютная власть. Я медленно поднялась, оставляя на ковре влажное пятно, и шагнула к мужу. — Потому что я только начала. Теперь... твоя очередь.

Иван стоял, словно парализованный. Его безупречный светлый костюм казался нелепым доспехом в комнате, где правили пот, и первобытный хаос. Он смотрел на меня, и в его глазах я видела крушение целой философской системы. Он всегда считал себя Пигмалионом, высекающим из податливого мрамора идеальную блудницу. Но Галатея ожила, сошла с пьедестала и потребовала крови своего творца.

Я сделала еще один шаг. Мои босые ноги ступали по ко-

вру, оставляя на нем влажные следы. Запах, исходивший от меня — густой, удушливый коктейль из женского мускуса, мужского запаха, и дорогого парфюма — окутывал его, лишая воли.

Гости, Лоран и Сато, всё еще тяжело дыша, замерли на полу, превратившись из активных участников в загипнотизированных зрителей. Роли поменялись. Теперь они смотрели спектакль, главным действующим лицом которого была я.

Я подошла к Ивану вплотную. Между моей обнаженной, грудью и его льняным пиджаком оставались миллиметры. Я подняла руки — те самые руки, на запястьях которых всё еще алели следы от шелковых галстуков, — и положила их ему на плечи. Мои ладони, испачканные соками его друзей, оставили на светлой ткани темные, маслянистые пятна.

— Ты всегда говорил, что любовь — это познание через разрушение эго, не так ли? — прошептала я, глядя прямо в его расширенные зрачки. — Ты учил меня быть послушной. Ты привел в наш дом других мужчин, чтобы показать мне мое место. Но ты забыл главное, Иван. Женщина — это не сосуд, который можно наполнить и оставить. Женщина — это бездна. И сейчас эта бездна смотрит на тебя.

Его кадык нервно дернулся.

— Лиза... — его голос дрогнул, потеряв свою обычную бархатную уверенность. Это был голос человека, стоящего на краю пропасти и осознающего, что падение неизбежно.

— На колени, — произнесла я. Слова прозвучали тихо,

но в них была сконцентрирована такая абсолютная, не терпящая возражений власть, что воздух в гостиной, казалось, стал плотнее.

Иван замер. Интеллектуал, аристократ, хозяин положения — всё его естество противилось этому приказу. Но его тело, отравленное моим запахом и видом моей торжествующей наготы, уже предало его. Медленно, словно во сне, он согнул ноги и опустился на колени прямо в лужу черного шелка — моего сброшенного платья.

Теперь его лицо оказалось на уровне моего живота. Я стояла перед ним, расставив ноги, не скрывая ни капли своего падения. Мои бедра блестели от влаги. Я была живым алтарем порока, и мой муж стал передо мной на колени.

Я запустила пальцы в его аккуратно зачесанные волосы с проседью, безжалостно сминая их, и притянула его голову к себе.

— Попробуй на вкус, мой создатель, — прошипела я. Прими свое поражение.

Он попытался отстраниться, инстинктивно противясь этому высшему акту унижения, но я держала его крепко. Я подалась вперед, прижимаясь своим истекающим лоном прямо к его лицу. Моя плоть коснулась его губ.

Иван издал глухой, сдавленный стон. И в этот момент его сопротивление сломалось. Изысканный философ умер, уступив место животному инстинкту. Он открыл рот и принял ко мне. Его язык, горячий и жадный, скользнул по моим склад-

кам. Он целовал меня исступленно, словно изголодавшийся путник, припавший к источнику.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.